This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

WID-LC
AM
101
.M826
K4

KESTNER

—

MATER. DLIA ISTOR. OPISAN
RUMIANTS. MUZ.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО БИБЛІОТЕКАРЯ МУЗЕУМА,

К. И. КЕСТНЕРА.

ИЗДАНО КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА

Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ,

В. А. Дашковымъ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Каринской.

1882.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА.

KESTNER

МАТЕРІАЛЫ

MATER. DLIA ISTOR. OPISAN. RUMIANTS. MUZ.

ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА.

СОЧИНЕНІЕ

БЫВШАГО БИБЛІОТЕКАРЯ МУЗЕУМА,

К. И. КЕСТНЕРА.

ИЗДАНО КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА

Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ,

В. А. Дашковымъ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Каринской.

1882.

WID-LC
AM
101
.M826
K4

Напечатано по распоряженію Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Мая 17 дня 1882 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 27 1976

11308.
26/VII 1922

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	VII
I. Историческій взглядъ на основаніе и планъ Румянцовскаго Музеума	1
II. Описаніе составныхъ частей Музеума	26
Дополненіе	41

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ предлагаемаго очерка, К. И. Кестнеръ, послѣ А. Хр. Востокова одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей Румянцовскаго Музеума въ бытность его въ С.-Петербургѣ, находился въ Музеумѣ на службѣ, въ должности библіотекаря, съ 19-го дек. 1844 по 1-е іюня 1851 г., занимал вмѣстѣ съ тѣмъ должность адъюнктъ-профессора въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. Завѣдывавшій въ то время (съ 1846 г.) Румянцовскимъ Музеумомъ, помощникъ Директора Императорской Публичной Библіотеки кн. Вл. Ѳ. Одоевскій немедленно послѣ вступленія своего на сказанныя должности, въ видахъ ознакомленія публики съ исторіей и составными частями Румянцовскаго Музеума, предположилъ издать краткій историческій очеркъ этого учрежденія, съ описаніемъ достопримѣчательнѣйшихъ, находящихся въ немъ, предметовъ, при чемъ общее введеніе и описаніе важнѣйшихъ отдѣловъ Музеума, какъ то: славянорусскихъ и иностранныхъ рукописей, первопечатныхъ иностранныхъ изданій и Высочайшихъ рескриптовъ на имя гр. Румянцовыхъ поручилъ завѣдывавшему этими отдѣлами К. Кестнеру, а другіе отдѣлы — другимъ лицамъ.

Къ концу 1848 г. трудъ Кестнера былъ оконченъ и заслужилъ полное одобреніе какъ кн. Одоевскаго, такъ потомъ и Директора Императорской Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа. Послѣдній относительно разсматриваемаго очерка, въ письмѣ къ кн. Одоевскому отъ 11 февраля 1850 г., сдѣлалъ слѣдующій отзывъ: «Прочитавъ съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ прекрасный трудъ г. Кестнера, я готовъ бы дать ему сейчасъ дальнѣйшій ходъ; но думаю, что самому автору пріятно будетъ дополнить сперва свою работу подробностями, находящимися въ доставленномъ Вамъ отъ меня старомъ дѣлѣ о Румянцовскомъ Музеумѣ и важными для исторіи этого учрежденія, безъ нихъ совершенно неполной. Вслѣдствіе того обращая къ Вамъ, любезный князь, работу г. Кестнера, прошу, когда онъ сдѣлаетъ нужныя дополненія, снова мнѣ ее возвратить».

Въ августѣ того же года, указанныя барономъ Корфомъ дополненія Кестнеромъ были сдѣланы (см. стр. 41—44), и потомъ начальствомъ Музеума такъ же были одобрены. Но предположеніе о напечатаніи сочиненія Кестнера, неизвѣстно

почему, въ исполненіе не приведено. Затѣмъ въ 1861 г. рукопись Кестнера вмѣстѣ съ другими бумагами Румянцовскаго Музеума была перевезена въ Московскій Публичный Музей, гдѣ доселѣ и хранится, какъ въ бѣловомъ ея спискѣ, приготовленномъ для печати, такъ и въ черновомъ оригиналѣ, писанномъ авторомъ собственноручно.

Со времени составленія названной рукописи прошло болѣе 30-ти лѣтъ. За это время для исторіи гр. Н. П. Румянцова и составленнаго имъ Музеума было открыто и напечатано значительное количество матеріаловъ, которыхъ Кестнеръ не могъ имѣть въ виду; а потому нѣкоторыя мнѣнія и отзывы его не могли не устарѣть *). Но такъ какъ трудъ Кестнера, помимо другихъ капитальныхъ его достоинствъ, какъ сказано въ его полномъ заглавіи «извлеченъ изъ наличности Музеума и изъ бумагъ гр. Н. П. Румянцова», доселѣ не только не изданныхъ, но и мало разработанныхъ; то онъ доселѣ не потерялъ и долго не потеряетъ своего значенія,—и это въ особенности для той цѣли, съ какою предполагало издать его Управленіе Румянцовскаго Музеума въ 1850 годахъ, т. е. чтобы для посѣтителей Музеума онъ служилъ руководственнымъ указателемъ при обозрѣніи его достопримѣчательностей. Въ силу изложенныхъ соображеній настоящій очеркъ и издается въ свѣтъ.

Въ заключеніе представляется неизлишнимъ упомянуть, что Кестнеръ, кромѣ издаваемаго сочиненія, по описанію Румянцовскаго Музеума исполнилъ нѣсколько другихъ ученыхъ также неизданныхъ трудовъ. Въ теченіе недолгой службы своей въ Музеумѣ онъ, между прочимъ, составилъ: 1) Подробный и очень обстоятельный каталогъ, принадлежащихъ Румянцовскому Музеуму, первопечатныхъ иностранныхъ изданій до 1525 г. 2) Реестръ, бумагамъ, оставшимся послѣ графа Н. П. Румянцова, на который въ настоящемъ своемъ трудѣ постоянно и ссылается. 3) Подробный указатель къ Описанію Румянцовскихъ славянскихъ рукописей, А. Востокова. Всѣ эти и другія работы Кестнера хранятся въ настоящее время въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ въ собственноручныхъ оригиналахъ автора. А. В.

*) Таковъ, между прочимъ, отзывъ Кестнера объ отношеніяхъ, къ гр. Н. П. Румянцову и его Музеуму, нашего историографа Карамзина, на стр. 13. Обнародованные впослѣдствіи матеріалы не оправдываютъ этого отзыва. См. наприм. «Письма Карамзина къ Малиновскому, М. 1860, стр. 62—63».

I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ОСНОВАНІЕ И ПЛАНЪ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА.

Ученыя общества и хранилища ученыхъ пособій, возникая по потребностямъ времени, вмѣстѣ съ нимъ измѣняются въ своемъ составѣ и объемѣ. Самый планъ, по которому они составлены, подлежитъ измѣненіямъ и усовершенствованіямъ. Румянцовскій Музеумъ, принадлежа къ этимъ же установленіямъ, отличается отъ нихъ своимъ монументальнымъ характеромъ.

Въ самомъ дѣлѣ: неизмѣнный въ своемъ планѣ, принадлежа исключительно одной эпохѣ, онъ съ невыгодами стойкости соединяетъ и преимущества монументальнаго характера; единая мысль, объемлющая и зрѣлая, проникаетъ всѣ его органическія части. Основанный съ цѣлью опредѣленною, онъ ей вполнѣ соотвѣтствуетъ; онъ, подлинно, достойный памятникъ мужу государственному и ученому, который въ немъ сложилъ плоды своихъ усилій, убѣжденія своей жизни и завѣтныя желанія будущаго съ такою же преданностію общему благу, съ какою истинные ученые приносятъ дань вѣку своими трудами литературными.

Исторія Румянцовскаго Музеума тѣсно связана съ жизнію и трудами его основателя. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, сынъ Задунайскаго, этого знаменитаго дѣятеля въ политическихъ событіяхъ вѣка Екатерины II, самъ сдѣлался представителемъ другаго направленія бле-

стящаго царствованія. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ мысль великой Императрицы благопріятствовать просвѣщенію, распространяя любовь къ отечественной исторіи. На эту мысль откликнулась эпоха Александра Благословеннаго; и когда люди съ дарованіемъ и усердіемъ посвятили свои труды русской исторіи, графъ Николай Петровичъ и митрополитъ Евгеній сдѣлались главными подпорами этой литературной жизни. Они мало были замѣчены публикою, потому что первый самъ не писалъ, а Евгеній писалъ только для ученыхъ. Но спросите: кто подвигалъ на предварительныя ученыя изслѣдованія, безъ которыхъ не можетъ быть исторіи? Кто открывалъ возможность рѣшать возникающіе вопросы, извлекая нужные матеріалы изъ забытыхъ, съ трудомъ открываемыхъ источниковъ или изъ сокровищницъ собственнаго знанія? Вникните въ ученое движеніе той эпохи, и вы на каждомъ шагу встрѣтите графа Румянцова и митрополита Евгенія. Исторія Музеума представитъ много примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго.

Графъ Николай Петровичъ искренно любилъ просвѣщеніе и принималъ въ ученыхъ вопросахъ участіе знатока*). Между его бумагами нѣсколько записокъ отобрано въ особую обертку съ надписью: «беречь какъ глаза» (Рум. бум., XIV,

*) Отношеніе графа Румянцова къ ученымъ его времени открывается преимущественно изъ его переписки. Она особенно важна за послѣдніе годы его жизни, когда глухота мѣшала ему предаваться живому разговору и когда онъ въ серьезной перепискѣ искалъ развлеченія. Къ сожалѣнію, бумаги, сберегаемыя въ Музеумѣ, въ этомъ отношеніи очень неполны: сохранились письма, имъ полученныя, и только весьма немного черновыхъ его отвѣтовъ. Любопытно было бы собрать письма самого Румянцова:

a) Академикъ Френъ имѣетъ много писемъ Канцлера; онъ, вѣроятно, согласился бы представить ихъ въ распоряженіе Начальства Музеума.

b) Большое количество писемъ сохранилось въ бумагахъ покойнаго Круга, — теперь въ распоряженіи Академіи Наукъ.

c) Можно предполагать письма у академика Кеппена.

d) Наконецъ, по слухамъ, уцѣлѣло нѣсколько писемъ и бумагъ въ домѣ княгини Голицыной, племянницы (?) канцлера.

9—15); этими бумагами, должно думать, начинается литературная дѣятельность графа Николая Петровича, и онъ сберегалъ ихъ, какъ любятъ сберегать первыя попытки на поприщѣ новомъ и важномъ. Тутъ выписка изъ хроники Альберта Стаденскаго объ Одѣ, супругѣ русскаго князя; она приложена къ записочкѣ: „Francfort, ce 7 janvier 1791. L'évêque présente ses respects et l'époux d'Oda, roi de Russie. Vous voyez donc, mon cher Comte, que nous n'avons pas eu les mains croisées. (Тогда графъ Николай Петровичъ былъ русскимъ посломъ во Франкфуртѣ *). Далѣе, тутъ два письма изъ Касселя 1793 года, очевидно, того же лица. Они касаются источниковъ древней Померанской исторіи, и распространяются о Гаральдѣ Кукъ, о которомъ графъ Николай Петровичъ дѣлалъ запросъ своему корреспонденту.

Тутъ же руки графа Николая Петровича краткій очеркъ русской исторіи. Dans son enfance, говоритъ онъ объ ней, c'est l'époque des héros aventuriers. Онъ сближаетъ Варяговъ съ Норманами: même principe, mêmes moeurs, et les vices et les vertus, puisent dans le même germe une origine commune; il n'est pas impossible de retrouver leur trace jusque dans l'histoire de la Normandie, où l'on appelle encore le droit de Varech un certain droit de côtes. Не многими словами, но очень вѣрно, характеризуетъ онъ періодъ татарскаго владычества, сверженіе ига, смуты самозванцевъ, — и все это до Карамзина, когда догадывались объ русской исторіи по сочиненіямъ Татищева и Щербатова, или извлекали ее прямо изъ необработанныхъ лѣтописей. Графъ Николай Петровичъ дѣлалъ послѣднее. Онъ много трудился надъ Несторомъ, но жалѣетъ, что нашъ лѣтописецъ такъ кратокъ и скуденъ въ своихъ извѣстіяхъ. C'est

*) Перечень важнѣйшихъ обстоятельствъ жизни графа Николая Петровича можно найти въ статьѣ Старчевскаго: «О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи», въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1846 г., Генварь. — Канцлеръ родился 1753 г., умеръ 3-го Января 1826 года.

cette négligence (говоритъ онъ далѣе на томъ же листѣ), qui je desirerais réparer; je puiserais dans les chroniques allemandes; il me faut des secours, il faut pour les obtenir, s'adresser là, où se trouvent réunie la puissance et les lumières, les archives et les manuscrits. И такъ, вотъ ясно высказанная цѣль ученыхъ трудовъ, тѣхъ самыхъ, которымъ графъ Николай Петровичъ посвятилъ всю частную свою жизнь. Но онъ не останавливается на отвлеченномъ планѣ; онъ тотчасъ приступаетъ къ дѣлу: Je choisis un cas particulier. Nestor raconte que l'an 1073 le Grand-Duc Isiaslaw ou Dimitri fut chassé par ses frères et.... Voici tout ce qui se trouve relativement à la fuite de ce prince dans les annales russes. Parcourons ce que les principales chroniques allemandes en disent. И тутъ онъ разсказываетъ то же событіе по Ламберту Ашафенбургскому, по Сигберту Гемблурскому и по грамотѣ Григорія VII. Этотъ способъ объяснять русскія лѣтописи иностранными тогда еще не былъ у насъ употребителенъ, и попытка графа Николая Петровича девятью годами предшествовала изданію перваго тома Шлецерова Нестора (1802).

Отъ бѣгства Изяслава графъ Николай Петровичъ легко перешелъ къ другому, болѣе общему вопросу: объ сношеніяхъ между Россіею и Германіею въ XI вѣкѣ (XIV, 12). Подъ заглавіемъ: «Notes historiques et questions» онъ развиваетъ важность вопроса; приводитъ изъ Ламберта Ашафенбургскаго родство германскаго посла Буркгарта съ русскими князьями и присоединяетъ рядъ вопросовъ: нѣтъ ли въ Майнцѣ, въ архивахъ капитула, рукописныхъ свѣдѣній объ этихъ сношеніяхъ? Нѣтъ ли въ тамошнемъ соборѣ между приношеніями и такихъ, которыя, относясь ко времени Генриха IV, могли бы указать на сношенія съ Русью? и друг. Приведемъ его словами два вопроса: они лучше всего покажутъ и степень и направленіе его учености: 4°. S'il est possible d'indiquer où il faudrait chercher la vie et les oeuvres de ce Burchard, envoyé en ambassade, car il faut observer que

quoique nommé archevêque de Trèves dans les chroniques, on ne trouve point dans la liste des archevêques de ce siège aucun Burchard dans ce temps-ci; mais il pouvait ce faire, que Bruno, élu archevêque de Trèves en 1101, mort en 1124, soit le même que Burchard, qui pouvait avoir pris le nom de Bruno par respect pour la mémoire du pape Léon IX, son proche parent, que les allemands ont toujours appelé Bruno.

5°. L'empereur Henry IV épousa en secondes noces Adelheit, veuve d'Odon III, Margrave de Brandebourg et fille d'un souverain de Russie; les noces se sont célébrées à Cologne l'an 1089. Ensuite cette princesse fut retenue par les Normands de la Pouille et de la Calabre, dans l'expédition qui fit contre eux l'empereur son époux; après elle se retira chez la fameuse comtesse Mathilde et porta à Urbain II au concile de Plaisance ses plaintes atroces contre son mari, fut absoute et retourna en Russie en 1097 et y mourut abbesse en 1109. Tout ce que je viens d'en dire est tiré des diverses histoires de Henry IV, de l'annaliste Saxon, de la collection d'Eckhard, de l'histoire de Ditmar. Je demande, quelles sont les autres sources en Allemagne, où on trouvait plus de lumières sur cette princesse.

Такой взглядъ на отечественную исторію предполагаетъ собраніе многихъ и весьма разнородныхъ пособій. И въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же (1793) году пишутъ графу Николаю Петровичу изъ Вѣны (XIV, 16) о пріобрѣтеніи для него нѣсколькихъ книгъ, въ числѣ ихъ важнаго для историческаго богословія сочиненія: Assemani, Kalendaria ecclesiae universae, 6 vol.. которое донынѣ украшаетъ Музеумъ, и нѣсколько грамматикъ нарѣчій, употребительныхъ въ Венгріи. Вскорѣ, въ Вѣнѣ же, эта коллекція была умножена пріобрѣтеніемъ другихъ книгъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (XVII, 3), такъ что ихъ было собрано до 80. Онѣ были предназначены составить начало славянской библіотеки, въ которой могло бы накопиться много интересныхъ матеріаловъ для славянской филологіи. Но,

къ сожалѣнію, она-то тогда еще не возникла, пользы ея еще не поняли, и графъ Николай Петровичъ ограничилъ свою любознательность этими книгами. Когда же Добровскій своими сочиненіями пробудилъ славянизмъ, — библіотекѣ графа уже дано было опредѣленное направленіе, и эта вѣтвь пополнилась немногими книгами.

И такъ вотъ что занимало графа Николая Петровича въ 1793 году. Къ сожалѣнію, изъ слѣдующихъ двухъ десятилѣтій сохранилось мало бумагъ, и то неважныхъ, такъ что мы не въ состояніи въ этотъ промежутокъ времени слѣдить за учеными занятіями графа Николая Петровича. Правдоподобно впрочемъ, что обязанности, связанныя съ званіемъ Главноуправляющаго Путями Сообщенія, Министра Коммерціи, наконецъ Государственнаго Канцлера, что заботы государственныя поглощали всю дѣятельность графа Николая Петровича. Но и въ эту эпоху онъ не совсѣмъ чуждался учености. Не любя разсѣяній, выѣзжая единственно ко Двору, онъ посвящалъ досуги свои серьозному чтенію и любилъ собирать за своимъ столомъ малое, но избранное общество людей образованныхъ.

Даже въ годину бѣдствій онъ интересовался наукою; въ ней онъ находилъ приличное развлеченіе отъ думъ государственныхъ, въ ней онъ, можетъ быть, видѣлъ уже лучшее украшеніе эпохи, которая должна была слѣдовать за роковымъ годомъ. Онъ былъ увѣренъ въ судьбѣ отечества. — Въ августѣ 1812 г. онъ писалъ въ Лондонъ о пріобрѣтеніи рукописнаго перевода Платоновыхъ сочиненій и нѣсколькихъ книгъ, касающихся исторіи прошедшаго столѣтія (III, 19 и 22). — Въ ноябрѣ 1812 г. онъ послалъ академику Лербергу сочиненіе Вилькена о Комненахъ и просилъ его отзыва. Лербергъ, отдавши справедливость заслугамъ Вилькена, указываетъ и на недостатки его, между прочимъ на неточность его разсказа о первомъ появленіи русскихъ. Это замѣчаніе живо заинтересовало канцлера. Въ своемъ отвѣтѣ (который сохранился въ двухъ, пополняющихъ одно другое черновыхъ, Л, 4)

онъ, сличивъ первое появленіе русскихъ на Черномъ морѣ въ 834 году съ позднѣйшимъ основаніемъ государства и сказавши, что онъ ученый вопросъ о происхожденіи Руси съ сѣвера не считаетъ рѣшеннымъ, приводитъ одно мѣсто изъ Шлецера, который въ своемъ Несторѣ употребляетъ названіе Понтійскихъ Руссовъ. Si mes rêves sur notre origine ne sont pas destitués de solidité, ils étaient Pontiques en effet et plus pontiques que ne l'avait saisi dans ses aperçus cet illustre savant (Schlözer), auquel ma patrie a tant d'obligation. Voilà donc des Russes différents de ceux, qui suivirent Rurik, et si l'on soutenait qu'ils étaient Russes baltiques et non pontiques, il y aurait toujours cette observation à faire, que voilà des Russes cités avant qu'ils apparaissent comme fondateurs de notre empire, qui n'est qu'une seconde ou troisième Russie. — Nous devons encore à M. de Schlözer d'avoir, en citant Constantin Porphyrogénète, conservé un mot indicateur, qui par une faute inexcusable ne se trouve pas dans le même passage cité et traduit par feu M. de Stritter; c'est la qualification de Russie externe. Une Russie externe suppose une autre!

Какъ не узнать въ этомъ основы тѣхъ различныхъ предположеній объ отечествѣ Руссовъ, которыя появлялись въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ и даже въ наши дни, пока критическое изслѣдованіе Куника не положило имъ предѣла?

Мнѣніе канцлера очень близко къ гипотезѣ Еверса, сдѣлавшейся извѣстною только въ 1825 году. Графъ Николай Петровичъ въ пользу своего мнѣнія о южной родинѣ Руссовъ приводитъ доводъ замѣчательный.

Moïse de Chorène l'Arménien, dans cette esquisse de géographie par laquelle il termine son «Histoire» qu'il écrivait au V siècle, dit qu'à cette époque la Germanie s'étendait.... jusqu'au Danube, fleuve, dit-il, que les Russes appellent Josoë. Cette citation ne nous autorise-t-elle pas à conclure que les Russes à cette époque, si antérieure à celle, qui nous les a rendu chers, formaient déjà un peuple distinct, connu sous

ce nom, et qui devait être alors dans quelque estime, puisque Moïse de Chorène trouvait une sorte d'intérêt à citer, quel nom le Danube portait en leur langue? C'est cette petite ligne, extraite de l'Histoire de l'Arménie, que je livre, Monsieur, à votre méditation; il y a longtemps qu'elle me frappe et que je ne sais pas m'en rendre compte... elle fera un jour le sujet de nos entretiens de vive voix, car je Vous le confesse, il y a longtemps que je Vous considère comme un savant auprès duquel je me suis promis d'aller chercher de préférence à éclaircir quelques doutes et me fortifier ainsi dans des idées particulières que je me suis fait sur ce qui constitue l'origine de notre histoire, époque si distincte, qui atteint celle où nous passons sous le joug des Tatares; alors notre histoire perd son premier caractère et ne le reprend plus, même après notre affranchissement.

1813 годъ былъ эпохою въ ученой жизни канцлера. Когда грозная опасность, пробудившая силы отечества, только что миновала и всеобщее живое движеніе обѣщало плодовъ и для науки, графъ Николай Петровичъ сосредоточилъ на ней все свое вниманіе, рѣшился открыть доступъ къ недоступнымъ матеріаламъ, вознаграждать труды, до того неблагодарные, занять современное поколѣніе и пріохотить юное; и все это для того, чтобы основать и подвинуть исторію отечественную, не какъ предметъ простой любознательности, но какъ занятіе, истинно ученое. Пребываніе Государя Императора при арміи уменьшило дипломатическія занятія государственнаго канцлера, и большіе досуги свои Николай Петровичъ посвятилъ любимой учености.

Въ трудахъ собственныхъ и въ тѣхъ, которые по его желанію предпринимались другими, графъ Николай Петровичъ слѣдовалъ опредѣленному плану. У насъ любятъ общія сочиненія, обнимающія цѣлый предметъ; необходимость монографій и въ наше время немногими понята. Канцлеръ же напротивъ отдавалъ преимущество спеціальнымъ изслѣдованіямъ, надѣялся въ разрѣшеніи отдѣль-

ныхъ вопросовъ, объясненныхъ всѣми пособіями науки, найти опорныя точки для общихъ трудовъ, — воззрѣніе, свойственное учености нашего времени!

Его вниманіе было обращено преимущественно на двухъ родовъ задачи: на исторію отдѣльныхъ городовъ и на генеалогію. Много сомнительнаго изчезло бы изъ русской исторіи, еслибъ ходъ событій въ отдѣльныхъ городахъ былъ намъ извѣстенъ въ непрерывной связи. Но для древней исторіи у насъ нѣтъ мѣстныхъ лѣтописей, кромѣ Новгородской. Чтобы замѣнить этотъ недостатокъ, графъ Николай Петровичъ предположилъ собрать всѣ разсѣянныя въ лѣтописи показанія, касающіяся одного города: его участія въ войнахъ, его князей, его іерарховъ, и изъ нихъ составить исторію, по крайней мѣрѣ перечень, могущій объяснить хронологическія и географическія данныя. Такъ онъ самъ составлялъ лѣтопись Полоцка изъ разныхъ выписокъ (П, 5 — 7), перечень полоцкихъ князей, и собиралъ свѣдѣнія о полоцкихъ древностихъ, о камнѣ Рогволода спеціально (Р, 3). Такъ онъ же дѣлалъ выписки о кіевскихъ митрополитахъ, объ Изборскѣ, Туровѣ, (И, 1ª, Т, 1.); такъ по его порученію Анастасевичъ составилъ довольно обширную Лѣтопись Черниговскую (Ч, 2), Калайдовичъ ему писалъ о рязанскихъ древностяхъ и о рязанскихъ преосвященныхъ (Р, 8 и 9).

Особенно же его интересовала генеалогія, какъ мы могли замѣтить и въ первой его ученой перепискѣ. Изчислимъ здѣсь лица, которыхъ происхожденіе и родство составляло предметъ обширной переписки и собственныхъ выписокъ графа Николая Петровича: Анна, русская княжна, бывшая за мужемъ за греческимъ императоромъ Іоанномъ; князь Андрей Ярославичъ; дѣти Владиміра Святаго; Владиміръ Андреевичъ и его родъ; Василько Маричъ (по предположенію графа Николая Петровича, внукъ Владиміра Мономаха по его дочери Маріи); князья Верейскіе; Витовтъ; Гедиминъ и родъ литовскихъ князей его дома; родъ Гаштольдъ; родъ Годунова; родъ Марьи Гольтяевой;

Евпраксія Изяславна; Ида и дочь ея Ода, бывшая за русскимъ княземъ; Кунигунда, супруга Святослава II; родъ Петра Могилы; родъ Ярослава; родъ князей Пожарскихъ. Бо́льшая часть генеалогическихъ замѣтокъ, писанныхъ рукою графа Николая Петровича, извлечена изъ рукописнаго хронографа, пріобрѣтеннаго имъ въ Москвѣ и теперь входящаго въ составъ собранія рукописей.

На ряду съ генеалогическими розысканіями его занималъ біографическій элементъ исторіи, частныя судьбы историческихъ лицъ. Въ его бумагахъ накоплено много матеріаловъ, сюда относящихся, именно: объ Альмѣ, герцогѣ Венгерскомъ; объ Антоніи Римлянинѣ, новгородскомъ чудотворцѣ; объ Антоніи Печерскомъ; о тождествѣ Брунона и Бонифація; о Василіи архимандритѣ Новгородскомъ; о Димитріи Солунскомъ; о Кириллѣ Туровскомъ; о св. Лонгинѣ; о Никифорѣ митрополитѣ; о Симеонѣ, епископѣ Тверскомъ; о Стефанѣ Сурожскомъ; о Стефанѣ Пермскомъ, о Ѳеодосіи Печерскомъ. — Какъ занимали канцлера біографическія изслѣдованія, это могутъ показать свѣдѣнія, собранныя о Стефанѣ Сурожскомъ: тутъ до 20 разныхъ записокъ, выписки рукою графа Николая Петровича, записки почерка Григоровича, Круга, Френа, и письмо профессора Газе изъ Парижа. — Въ 1818 году графъ Румянцевъ самъ отправился въ Оршу и спасъ отъ забвенія надгробный камень внука Мономахова, носящій надпись: «Въ лѣто 6679 (1171), мѣсяца мая въ 7 день успе; Господи помози рабу своему Василію въ крещеніи именемъ Рохволоду, сыну Борисову». Оршинскій камень занимаетъ первое мѣсто послѣ Тмутараканскаго.

Эти занятія свели графа Николая Петровича со всѣми современниками, которые могли и желали принесть пользу русской исторіи.

Въ 1814 году онъ переписывался съ Шираевскимъ, который обѣщалъ ему описывать древности Кіева (XI, 14 и 15), но, какъ кажется, не удовлетворилъ графа. По крайней мѣрѣ въ 1815 и 1816 годахъ канцлеръ уже велъ пе-

переписку съ Берлинскимъ (XII, 18 — 27), который сообщалъ ему описанія кіевскихъ древностей и рукописей, производилъ, по желанію графа Николая Петровича, розысканія на мѣстѣ или справлялся въ тамошнихъ книгохранилищахъ (такъ: о митрополитѣ Никифорѣ, о крещеніи св. Ольги, о Владиміровой монетѣ и проч.), писалъ иногда и о собственныхъ ученыхъ планахъ. — Въ Музеумѣ хранится его рукописное объясненіе древнихъ мѣстъ и урочищъ, показанныхъ на планѣ Кіева, изданномъ въ 1815 г. (русская рукопись № 477).

Въ 1816 году Арцыбышевъ прислалъ графу Николаю Петровичу свою статью о Тмутаракани; позже онъ присылалъ и другія разсужденія, которыя хранятся вмѣстѣ (русская рукоп. № 476).

Съ Калайдовичемъ канцлеръ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ; многія рукописи, вновь снятыя для графа Николая Петровича, скрѣплены Калайдовичемъ; при многихъ изысканіяхъ графа Николая Петровича находятся справки и выписки почерка Калайдовича; сохранилось и нѣсколько писемъ: одно очень обширное «О Діоптрѣ и переводахъ ея» (Д, 3), другое о первомъ томѣ Государственныхъ Грамотъ (XVI, 4).

Погодинъ, переведши сочиненіе Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, писалъ канцлеру письмо, заставляющее предполагать, что ему предшествовали другія (XI, 22).

Замѣчательны сношенія канцлера съ Евгеніемъ. Еще въ 1804 году они переписывались; Евгеній, тогда епископъ Старорусскій, прислалъ графу Николаю Петровичу рисунки Корсунскихъ воротъ. Позже канцлеръ переслалъ ему рѣзную деревянную икону для опредѣленія вѣка и мѣста. Евгеній, будучи въ своей епархіи въ Новгородѣ, производилъ на мѣстѣ изслѣдованія о Вревскомъ погостѣ и сообщалъ ихъ канцлеру; писалъ ему, по его желанію, о богослужебныхъ книгахъ грекороссійской церкви (X, 15, XVIII, 28, XI, 21, B, 5 и E, 1^b).

Интересно письмо графа Николая Петровича (XIII, 15)

къ Евгенію въ 1816 году о жалованной грамотѣ Мстислава, которая тогда сдѣлалась извѣстною и очень занимала Евгенія (его статья и его хронологическія предположенія о ней въ Трудахъ Московскаго Общества древностей, III). Еще замѣчательнѣе другое письмо (XIII, 16), въ январѣ 1823 года, въ которомъ канцлеръ съ радостью сообщаетъ Евгенію свою находку: извѣстіе, что Кормчая при митрополитѣ Кириллѣ III перенесена къ намъ изъ Болгаріи. И такъ канцлеръ первый открылъ, или, если предположить, что ему сообщили открытіе, первый распространилъ это важное извѣстіе, послужившее матеріаломъ столькихъ соображеній барону Розенкампфу. Можно сказать, Кормчая еще болѣе сблизила канцлера съ митрополитомъ. Оба они понимали, сколь существенно для русской исторіи изученіе этого памятника. Канцлеръ собиралъ рукописи Кормчей, въ томъ числѣ пріобрѣлъ одну изъ трехъ извѣстныхъ харатейныхъ, повѣрялъ ихъ Розенкампфу для разбора и сличенія. Евгеній писалъ къ тому же о силѣ Кормчей въ новѣйшее время, поощрялъ его позже къ новому изданію «Обозрѣнія Кормчей»; а когда умеръ и ученый и его покровитель, Евгеній далъ Анастасевичу всѣ нужныя денежныя пособія для втораго, значительно пополненнаго изданія (Обозрѣніе Кормчей книги, С.-Петербургъ, 1839, 4°). Теперь и этихъ эпигоновъ труда болѣе нѣтъ на свѣтѣ: и Евгеній и Анастасевичъ умерли! Перебирая бумаги послѣдняго, я имѣлъ случай читать письма Евгенія по поводу этого изданія; они заключаютъ нѣсколько критическихъ, весьма справедливыхъ замѣчаній на счетъ Розенкампфа.

Въ судьбѣ Карамзина и въ трудѣ его канцлеръ принималъ живое участіе. Онъ хранилъ въ копіи (XXII, 4—6) рескрипты, данные на имя Карамзина и столь щедро вознаграждавшіе его 12-лѣтній трудъ. Канцлеръ читалъ Исторію Государства Россійскаго съ большимъ вниманіемъ, какъ то свидѣтельствуютъ многочисленныя выписки (болѣе 30), извлеченныя изъ разныхъ мѣстъ текста и при-

мѣчаній (3, 2). Не видно однако же, чтобы Исторіографъ съ своей стороны искалъ расположенія канцлера. Имѣя подъ рукою всевозможныя пособія, онъ, конечно, не нуждался въ собраніяхъ графа Николая Петровича, — и сколько помнится, только разъ ссылается на выписки изъ англійскихъ архивовъ, сдѣланныя для графа.

Канцлеръ былъ въ сношеніяхъ съ двумя ревнителями русской старины: Кеппеномъ и Френомъ. Первый, путешествуя по Россіи и за границею, отыскивалъ древніе памятники, указывалъ на нихъ: такъ онъ снялъ копію съ договора Смоленскаго князя съ Ригою 1229 года (переданную канцлеромъ въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), знакомилъ съ древностями Босфора, издалъ на иждивеніе канцлера, уже по смерти его, «Собраніе славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», С.-Петербургъ, 1827 года. Френъ употребилъ свои основательныя познанія въ языкахъ и въ нумизматикѣ Востока для поясненія русскаго стариннаго быта. Канцлеръ часто прибѣгалъ къ его совѣтамъ; сохранилось много замѣтокъ руки Френа.

Особенно коротки были отношенія графа къ Лербергу и Кругу. Николай Петровичъ любилъ бесѣдовать съ Лербергомъ и цѣнилъ его отзывы, какъ читатели имѣли случай видѣть изъ письма его къ Лербергу. Когда послѣдній захворалъ, Николай Петровичъ навѣщалъ больнаго; а по смерти его купилъ его библіотеку, поручилъ Мартосу изваять его мраморный бюстъ, а Дмитрію Ивановичу Языкову перевести изданныя Кругомъ изслѣдованія Лерберга (Untersuchungen etc., St.-Petersburg, 1816); они были изданы иждивеніемъ канцлера въ С.-Петербургѣ въ 1819 г., подъ заглавіемъ «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи».

Съ Кругомъ канцлеръ часто совѣтывался на счетъ своихъ ученыхъ предпріятій, уважая въ немъ ученаго, который зналъ и древности русскія и среднюю исторію по источникамъ, и потому былъ болѣе другихъ способенъ

располагать трудами, необходимо предшествующими изданію и разработкѣ источниковъ. Часто канцлеръ пользовался и литературными связями Круга, когда надлежало добыть изъ-за границы ученую рѣдкость или приняться за трудъ, выполнимый только на Западѣ, на мѣстѣ какихъ-либо розысканій. Извлекаемъ важнѣйшія извѣстія объ этомъ изъ посмертнаго изданія сочиненій Круга: Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, St.-Petersburg, 1848 *).

Кругъ обратилъ вниманіе канцлера на лѣтопись Георгія Амартола, въ которой онъ предугадывалъ византійскій источникъ Нестора, и на Льва Діакона; оба писателя еще не были изданы. По порученію графа Николая Петровича, Кругъ вступилъ въ переписку съ эллинистомъ Газе въ Парижѣ, еще въ 1813 году, а въ 1819 году трудами Газе и иждивеніемъ Румянцова состоялось прекрасное изданіе Льва Діакона. — Изданіе Георгія Амартола пріостановилось по разнымъ обстоятельствамъ; нынѣ оно приготовляется въ Парижѣ на счетъ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ.

Кругъ собиралъ для графа свѣдѣнія о неизданныхъ византійскихъ сочиненіяхъ, хранящихся въ архивахъ Англіи, Италіи и преимущественно Испаніи, также о славянскихъ рукописяхъ въ Парижѣ и Генуѣ; но смерть графа помѣшала употребить эти свѣдѣнія въ дѣло.

Канцлеръ хотѣлъ собрать извѣстія о Россіи, разсѣянныя у восточныхъ писателей; по его желанію Кругъ переписывался со многими оріенталистами. Сенъ-Мартенъ предпринялъ въ Парижѣ, на иждивеніе графа, христоматію любопытныхъ для Россіи извѣстій, извлеченную изъ рукописей арабскихъ, турецкихъ, персидскихъ и армянскихъ; но это предпріятіе кончилось смертью графа и Сенъ-Мартена († 1832).

*) Приведенныя нами извѣстія помѣщены въ статьѣ введенія: Krug's Verhältniss zum Kanzler Rumjanzow. Мы еще нѣсколько разъ въ нашемъ обзорѣ встрѣтимъ имя Круга.

Канцлеръ живо заинтересовался Южною Россіею. Онъ любилъ собирать понтійскія монеты и древности греческихъ понтійскихъ колоній (не по его ли внушенію г. Кеппенъ писалъ о нихъ? онъ былъ въ перепискѣ съ графомъ); собиралъ также свѣдѣнія о генуезскихъ колоніяхъ Чернаго моря, и для этой цѣли Кругъ старался получить копіи старинныхъ итальянскихъ картъ Чернаго моря.

Графъ Николай Петровичъ желалъ имѣть исторію русской торговли, заботился объ отысканіи неизвѣстныхъ матеріаловъ; предполагая найти таковыя въ сѣверной Германіи, онъ поручалъ разнымъ лицамъ, отчасти черезъ Круга, пересмотрѣть съ этою цѣлью нѣмецкіе архивы.

Посвящая самъ свои досуги ученымъ занятіямъ, графъ Николай Петровичъ болѣе кого-либо умѣлъ цѣнить труды другихъ. Онъ хорошо зналъ, какъ медленно созрѣваютъ ученыя предпріятія, сколько имъ нужно пособій; онъ чувствовалъ, что только соединенными силами многихъ можно значительно подвинуть русскую исторію. Значительные капиталы употреблялъ онъ на изданіе ученыхъ сочиненій, и многихъ важныхъ трудовъ не увидѣла бы публика безъ его великодушнаго посредничества. Оно состояло не въ однихъ только издержкахъ печатанія; нѣтъ, графъ Николай Петровичъ давалъ трудящимся средства дѣлать нужныя изысканія, ссужалъ ихъ матеріалами изъ своей библіотеки и изъ своихъ рукописей, часто вызывалъ на трудъ. Сколько извѣстныхъ литераторовъ того времени пользовались его книгами; не говоря уже о Григоровичѣ, Кругѣ, Френѣ, Лербергѣ, которые бывали съ нимъ въ частныхъ сношеніяхъ, — и митрополитъ Евгеній, Сенковскій, Розенкампфъ и другіе часто находили у него книги, которыхъ не могли имѣть въ другихъ собраніяхъ. — Сочиненіе Розенкампфа о кормчей основано на рукописяхъ Музеума. Сочиненіе Куницына, изданное въ 1843 году, но писанное гораздо прежде, не составилось бы безъ содѣйствія графа Николая Петровича. Авторъ сравниваетъ судебные обычаи русскихъ съ древними германскими; аппа-

ратъ этого сравненія онъ нашелъ въ собраніяхъ канцлера, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и ссылки, и росписки Куницына, сохранившіяся въ Музеумѣ. — Можно утвердительно сказать, что мысль собрать Музеумъ возникла именно изъ желанія споспѣшествовать отечественной учености накопленіемъ малодоступныхъ матеріаловъ, и поэтому-то большая половина библіотеки посвящена исторіи, и именно исторіи Восточной и Сѣверной Европы.

Возвратимся къ изданіямъ графа Николая Петровича; въ нихъ выражается мысль, руководившая всѣми учеными предпріятіями его: дать русской исторіи основательность изданіемъ матеріаловъ ея, русской учености — объемъ, накопленіемъ пособій.

Первое изданіе: «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», Москва, 1813 г., принадлежитъ той эпохѣ, когда онъ совершенно посвятилъ себя учености, употребляя въ пользу ея свое значеніе государственнаго сановника. Могъ ли онъ важный 1813 годъ означить приличнѣйшимъ памятникомъ историческимъ?—Это собраніе должно было служить началомъ цѣлаго ряда юридическихъ памятниковъ. Такъ иждивеніемъ канцлера изданы въ 1819 г. въ Москвѣ «Законы Великаго князя Іоанна III и внука его, Царя Іоанна Васильевича», гдѣ Судебникъ Іоанна III, считавшійся потерянымъ, въ первый разъ былъ изданъ и сравненъ со вторымъ Судебникомъ трудами Калайдовича и Строева. Тамъ же въ 1824 г. изданъ «Бѣлорусскій Архивъ», заключающій важныя для Западной Руси грамоты; это изданіе остановилось на первомъ томѣ. Такъ по его желанію Вельяминовъ-Зерновъ представилъ ему проектъ ученаго изданія «Русской Правды», которое, къ сожалѣнію, не состоялось (XVI, 14).

Вообще въ рукописяхъ Румянцевскаго Музеума накоплено много юридическаго матеріала: значительное число грамотъ разныхъ эпохъ и мѣстъ; выписки Литовской метрики и проч. «Акты Археографической Коммиссіи», снаб-

женные указаніями, гдѣ хранится подлинникъ печатнаго текста, служатъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ.

На ряду съ историко-юридическими изданіями, предназначенными дать изслѣдованіямъ дипломатическую точность, канцлера постоянно занимала мысль составить хорошее изданіе лѣтописей, которое было бы достойнымъ продолженіемъ Шлецерова Нестора. По его желанію Кругъ (еще въ 1813 г.) представилъ планъ «Сводnаго толковаго русскаго лѣтописца». Въ Академіи Наукъ разсуждали о выполненіи его; Оленинъ оспаривалъ возможность скораго изданія и представилъ другой планъ (15 января 1814 г.), который хранится въ бумагахъ графа Николая Петровича (О, 3): издать отдѣльно всѣ лучшія историческія рукописи, которыя бы составили «Полное собраніе русскихъ дѣписателей». Этотъ планъ содержитъ правила правописанія, препинанія и прочее, но не опредѣляетъ, съ какихъ рукописей начать и въ какомъ порядкѣ продолжать изданіе. Оба эти проекта были представлены по тому поводу, что канцлеръ, приступая къ изданію Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, въ то же время (въ ноябрѣ 1813 г.) препроводилъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія, графу Разумовскому, 12,500 руб. ассигн. какъ половину суммы, назначенной имъ на изданіе русскихъ лѣтописей (вторую половину онъ передалъ въ Академію Наукъ незадолго до своей смерти). Эта сумма поступила въ распоряженіе Академіи Наукъ; но и самъ канцлеръ не терялъ изъ виду своего плана. По его предложенію часть этой суммы была отдана г. Оленину, готовившему критическое изданіе Нестора для перваго тома Собранія русскихъ лѣтописей; для втораго тома предназначилъ канцлеръ Ипатіевскій списокъ лѣтописи и поручилъ Анастасевичу снять буквально точную копію съ варіантами по двумъ позднѣйшимъ спискамъ. Это предпріятіе не было кончено при жизни канцлера; его довѣршила Археографическая Коммиссія, въ которую Академія Наукъ передала подготовленные матеріалы.

П. М. Строевъ въ 1817 и 1818 годахъ, по порученію канцлера, разсматривалъ разныя монастырскія библіотеки и архивы. Изданіе Софійскаго Временника было первымъ плодомъ этого путешествія, но важнѣйшимъ результатомъ его былъ планъ обширнаго ученаго путешествія, предложенный Строевымъ прежде Московскому Обществу исторіи и древностей россійскихъ, потомъ Академіи Наукъ; этотъ планъ былъ поводомъ и руководствомъ Археографической Экспедиціи.

Независимо отъ этого накопленія матеріаловъ канцлеръ снабдилъ Строева средствами издать въ 1821 г. въ Москвѣ Софійскій Временникъ. Онъ принялъ на свое иждивеніе изданіе важныхъ трудовъ Калайдовича: «Памятники русской словесности XII в.» (Москва, 1821 г.), «Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи» (Москва, 1823 г.), и «Іоаннъ Экзархъ Болгарскій» (Москва, 1824 г.). Еще прежде онъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе: «Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ» (Москва, 1821 г.). Скромный авторъ (Григоровичъ) ни здѣсь, ни въ Бѣлорусскомъ архивѣ не выставилъ на заглавіи своего имени.

Между рукописями Румянцевскаго Музеума есть и нѣсколько лѣтописей (какъ мы позже исчислимъ), и много занимательныхъ историческихъ отрывковъ въ хронографахъ.

Графъ Николай Петровичъ очень дорожилъ познаніями географическими. Онъ считалъ путешествія лучшими комментаріями исторіи и вѣрными средствами сближенія народовъ. Въ этомъ смыслѣ онъ покровительствовалъ имъ и для пользы матеріальной и для исторической. Въ его библіотекѣ собраніе путешествій и значительно и отборно; изъ его бумагъ видно, какъ онъ интересовался экспедиціями Сѣверо-Американской Компаніи. — Онъ однако не ограничился страдательною любознательностью. Въ 1813 г. онъ предположилъ снарядить корабль для путешествія вокругъ свѣта. Съ какою предусмотрительностью онъ приступалъ къ этому важному предпріятію, видно изъ обширнаго плана (въ толстую тетрадь) писаннаго, по желанію канцлера,

Крузенштерномъ, знавшимъ по собственному опыту всѣ условія дальняго плаванія (К,6). Довѣривши начальство надъ бригомъ Рюрикъ лейтенанту Коцебу, который совершилъ путешествіе въ 1815—1817 годахъ, канцлеръ писалъ къ его отцу въ Кенигсбергъ письмо, полное ласки, соединяя съ прочими достоинствами своими внимательность семьянина къ грустнымъ заботамъ отца, отпустившаго сына въ опасный путь. Въ Музеумѣ сберегается извѣстіе о счастливомъ прибытіи Коцебу въ Камчатку. По возвращеніи Коцебу, его путешествіе было издано иждивеніемъ графа Николая Петровича въ С.-Петербургѣ, 1823 г., 3 тома, in 4°. Кромѣ того канцлеръ снабжалъ Гагемейстера (въ 1819 г.) и Рикорда (въ 1818 г.) значительными суммами, чтобы первый старался развѣдать внутренность Сѣверной Америки, а второй послалъ розыскать, находится ли твердая земля, какъ полагали, на Сѣверъ отъ Берингова пролива.

Въ бумагахъ графа Николая Петровича сохранилось три интересныхъ предположенія объ ученыхъ путешествіяхъ (XVI, 1, 12 и 13). Объ одномъ писалъ ему Копитаръ: послать молодаго ученаго по землямъ славянъ для изученія ихъ нарѣчій; другое касалось минералогическаго и геологическаго изслѣдованія Финляндіи; третье путешествіе на Востокъ, для пополненія свѣдѣній о турецкой литературѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отзыва графа на эти предположенія. Канцлеръ намѣревался издать многія путешествія, важныя въ историческомъ отношеніи. И такъ какъ онъ дорожилъ сравненіемъ русскихъ извѣстій съ иностранными; то главное вниманіе свое обратилъ на путешественниковъ-иностранцевъ, прямо писавшихъ о Россіи. Съ ними онъ хотѣлъ познакомить русскую публику въ новыхъ изданіяхъ.

Такъ въ 1818 году въ С.-Петербургѣ Аделунгъ, на счетъ графа Николая Петровича, издалъ: «Sigismund Freyherr von Herberstein»,—извлеченіе изъ путевыхъ записокъ Герберштейна и свѣдѣнія о его жизни и объ его сочиненіи.

Потомъ онъ подготовилъ другую монографію: Augustin Freyherr von Meyerberg, изданную уже по смерти графа, но на его иждивеніе, въ 1827 г. Наконецъ Аделунгъ пользовался безпрерывнымъ содѣйствіемъ графа при собираніи матеріаловъ для своего важнаго посмертнаго сочиненія: «Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, St.-Petersburg, 1846».

Еще въ 1814 году Тургеневъ предлагалъ канцлеру издать рукопись Альбертранди (V, 10), составленную изъ матеріаловъ Ватиканской библіотеки, касающихся Россіи. Это изданіе не состоялось, но оно навело канцлера на мысль снять въ Римѣ рукописи, относящіяся къ Россіи,— мысль, позже исполненную Штрандманомъ (иностранныя рукописи по 1 отдѣленію, №№ 116—127 и 140).

Отдѣльныя изданія въ этомъ родѣ не удовлетворяли канцлера. Между его бумагами сохранились два занимательныхъ проекта. Одинъ (XVI, 7): «Scriptores rerum Rossicarum exotici, in corpus pro cujusque idiomate congesti et ad annorum ordinem redacti». Тутъ исчислено 57 писателей; древнѣйшій—Barbaro (1436 г.), позднѣйшій—Perry (1711 г.). На проектѣ не означено, кто его составлялъ; весьма вѣроятно, г. Аделунгъ бралъ на себя этотъ трудъ. Другой проектъ: «О древнихъ путешествіяхъ Россіянъ». Тутъ, начиная съ Даніила Паломника, насчитано 36 писателей и противъ каждаго отмѣчено, напечатано ли его путешествіе, или гдѣ находится рукопись; вовсе неизданныхъ путешествій здѣсь названо 25. Этотъ проектъ скрѣпленъ Малиновскимъ, въ апрѣлѣ 1820, въ Москвѣ.

Мысль собрать всѣ путешествія русскихъ могла бы повести къ важнымъ результатамъ. Изъ отзыва русскихъ о видѣнномъ на чужой сторонѣ можно бы было составить себѣ понятіе о ихъ собственномъ образованіи и взглядѣ. Но проэктъ остался неисполненнымъ. Уже гораздо позже и, какъ кажется, по менѣе обширному плану, г. Сахаровъ сталъ издавать «Путешествія русскихъ людей».

Графъ Николай Петровичъ любилъ все, что нѣкоторымъ образомъ касалось Россіи, хотя бы оно выходило изъ

рамы исторіи и географіи. Еще въ 1818 г. въ Москвѣ, по порученію его, составлено новое изданіе «Древнихъ русскихъ стихотвореній», которыя въ первый разъ появились въ 1804 году; здѣсь они пополнены неизданными пѣснями и нотами, которыя выставлены въ началѣ пѣсенъ, а имя Кирши Данилова, перваго собирателя, украсило заглавіе.

Мысль объяснить рускую исторію, объясняя византійскую, навела на другую: содѣйствовать изученію греческаго языка, и канцлеръ далъ порученія составить греческій лексиконъ по новѣйшимъ успѣхамъ филологіи. Этотъ лексиконъ былъ дѣйствительно составленъ Сп. Ю. Дестунисомъ, но остался не изданнымъ.

Другое важное изданіе также пріостановилось по неожиданнымъ препятствіямъ, именно Татарскій текстъ исторіи Абулъ-Гази-Баядуръ-Хана. Объ этомъ предполагаемомъ изданіи находится замѣчательная записка въ бумагахъ графа Николая Петровича (I, 22). Сочинитель ея, очевидно знатокъ восточной литературы, называетъ два нѣмецкихъ, французскій и русскій переводы исторіи Абулъ-Гази, упоминаетъ о ихъ недостаткахъ, произшедшихъ отъ того, что въ Европѣ нѣтъ еще изданія текста, и не могло быть: car pour quiconque voulait l'entreprendre (l'édition), une connaissance profonde de la langue tatare est indispensable et pourtant on n'y (en Allemagne) peut pas l'acquérir, manque de subsides nécessaires. За этимъ онъ излагаетъ цѣль изданія: Le Chancelier, ayant trouvé à Moscou un manuscrit d'Abul-Ghazi, résolut de remédier enfin à un besoin si longtemps senti, et de faire imprimer à ses frais cet ouvrage si utile pour l'avancement d'une étude solide de l'histoire mongole et tatare. Et comme jusqu'à présent on a très peu fait pour la connaissance exacte de la langue tatare, il espéra aussi de mettre par cette édition les savants à même de la pouvoir étudier. Outre cela il savait que dans les écoles de Russie dans lesquelles on enseigne la langue tatare, comme à Kasan, Tobolsk, Astracan,

il manque tout à fait des livres d'école, propres à s'instruire dans cette langue. Il croyait donc que par l'introduction de ce livre les écoliers en apprenant leur langue puissent en même temps acquérir des connaissances utiles dans l'his toire, ce que jusqu'ici n'a pas été aisé, parce qu'il a fallu se servir seulement des livres de religion mahométane pour enseigner la langue.

Когда въ Лифляндіи (въ 1814 г.) возникло намѣреніе составить собраніе мѣстныхъ грамотъ «Codex diplomaticus ducatus Livoniae», и баронъ Унгернъ-Штернбергъ взялъ на себя заботы изданія, канцлеръ принялъ участіе въ издержкахъ печатанія (V, 15).

При своихъ предпріятіяхъ графъ Николай Петровичъ умѣлъ выбирать людей. Не говорю уже о Калайдовичѣ, Строевѣ, Григоровичѣ, они извѣстны ученому свѣту, но и другіе были способны именно къ тому занятію, которое имъ поручалось.

Анастасевичъ, котораго мало знаютъ, человѣкъ весьма начитанный, терпѣливый, любившій входить въ самыя тонкія сравненія текстовъ, — былъ бы прекрасный издатель лѣтописи; свою старательность онъ показалъ въ изданіи «Обозрѣнія Кормчей».

Лобойко, любившій филологическія занятія, самъ, еще до сношеній съ графомъ Николаемъ Петровичемъ, накоплялъ замѣчанія и тексты для «Историческаго славянскаго словаря», и предложилъ планъ обширнаго труда, предполагающаго чрезвычайное терпѣніе, но обѣщающаго основательные результаты: онъ хотѣлъ каждое выраженіе прослѣдить хронологически по всѣмъ извѣстнымъ памятникамъ и цѣлою христоматіею его употребленія доказать, какъ измѣнялось значеніе его.

Отъ Вильяминова-Зернова можно было ждать дѣльныхъ изслѣдованій. Онъ коротко былъ знакомъ съ русскимъ правомъ; его «Начертаніе Гражданскаго Права», составленное, когда у насъ еще не было ни Полнаго Собранія Законовъ, ни Свода ихъ, показываетъ и систематическій

взглядъ и основательность его изложенія. Притомъ Русская Правда его особенно интересовала; онъ имѣлъ въ виду ее критически обработать и высказалъ это намѣреніе въ «Историческомъ обзорѣ русскаго права», помѣщенномъ въ его «Начертаніи».

Знавшіе канцлера, конечно, еще помнятъ его частыя жалобы на малое усердіе современниковъ къ учености. Въ этомъ сѣтованіи еще болѣе утверждалъ его Кругъ, и въ разговорахъ, и письменно (XVI, 6). Сохранилось очень обширное письмо, въ которомъ Кругъ въ связи излагаетъ препятствія ученому занятію въ Россіи; между ними онъ главнымъ считаетъ малое сочувствіе публики. Онъ предполагаетъ подготовить вкусъ сочиненіями популярными, а въ прочемъ положиться на будущее поколѣніе. Конечно, послѣднее замѣчаніе принадлежало къ любимымъ надеждамъ канцлера. Кіевской Духовной Академіи онъ предоставилъ капиталъ въ 3000 руб. ассиг. съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ назначать преміи за удачныя историческія диссертаціи. — Сдѣлавъ все, что можно было, для современной учености, онъ хотѣлъ споспѣшествовать и будущей. Съ этою цѣлью онъ основалъ Музеумъ.

При расположеніи графа Николая Петровича къ ученымъ занятіямъ, разумѣется само собою, что онъ имѣлъ обширную библіотеку. Мы видѣли, какъ ему прислали сочиненіе Assemani и книги на славянскихъ нарѣчіяхъ еще до 1800 г., какъ онъ купилъ библіотеку Лерберга.

Писатели посылали ему свои сочиненія: такъ Ѳеофилактъ, епископъ Калужскій, въ 1803 г. два раза присылалъ свои книги; въ томъ же году Iacobsen, изъ Альтоны, поднесъ ему свое сочиненіе «Handbuch über das practische Seerecht»; въ 1825 г. Погодинъ поднесъ ему свой переводъ Добровскаго: «Кириллъ и Меѳодій», и проч. Такъ въ 1812 г. г. Борель покупалъ для него книги въ Лондонѣ.

Но не должно думать, будто библіотека графа Николая Петровича накоплялась случайно, или по одному только индивидуальному вкусу,—нѣтъ: и въ собраніи книгъ и дру-

гихъ матеріаловъ учености онъ слѣдовалъ опредѣленному плану. Въ томъ же году, когда онъ издалъ Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, онъ положилъ основаніе Музеуму, какъ отборному собранію ученыхъ пособій. Уже эта современность, еще болѣе самое выполненіе плана показываютъ, въ какой тѣсной связи, по желанію графа Николая Петровича, долженъ быть его Музеумъ съ ученымъ движеніемъ, которому онъ способствовалъ своими изданіями.

17 января 1813 г. графъ Николай Петровичъ просилъ русскаго уполномоченнаго въ Копенгагенѣ (г. Лизакевича) выслать ему каталоги важнѣйшихъ книгопродавцевъ: «les catalogues, contenants non seulement tout ce qui a paru de nouveau dans ces derniers temps, mais encore les ouvrages anciens, propres à faire le fond d'une bibliothèque bien composée. J'attacherai en outre un prix infini à avoir un registre des meilleurs ouvrages qui existent en Danemark sur l'histoire de ce pays ainsi que sur l'histoire du Nord en général, et qui contiennent les données les plus exactes et les plus instructives sur la partie historique aussi bien que sur la partie géographique de ces pays.—Si parmi les savants (которые, по предположенію графа Николая Петровича, могли бы составить желаемый списокъ) il s'en trouvaient quelques uns qui eussent déjà des collections choisies de bons ouvrages sur l'histoire et la géographie du Danemark ou du Nord en général, en telle langue que ce soit, et qu'ils fussent disposés à s'en défaire, j'aurais une obligation infinie a Votre Excellence si Elle voulait bien m'en transmettre les catalogues». По просьбѣ г. Лизакевича Трешовъ, любитель и знатокъ исторіи Сѣвера, сообщилъ свѣдѣнія о ея литературѣ; но онъ жалѣетъ, что время столь неблагопріятно для собранія книгъ въ Даніи. «Autrefois, пишетъ онъ, il y avait en Danemark des collections bien choisies sur l'histoire de la patrie; mais les collections de Thott, Luxdorf, Klevenfeldt, Langebec, Sevel, ont été dispersées à l'encan, celles de Suhm et de Hiebmstiern ont été incorporées dans la Bibliothèque Royale, celles de

Thorkelin, Schavenius et la mienne ont été entièrement anéanties par le feu sous le bombardement de la capitale; et la seule bibliothèque historique particulière, qui fut sauvée dans cette catastrophe malheureuse, a été léguée à l'Académie de la Norwège».

При содѣйствіи г. Трешова графъ Николай Петровичъ успѣлъ таки набрать и купить въ Копенгагенѣ много книгъ по Сѣверной исторіи (на сумму 1058 датскихъ талеровъ; VI, 2): въ числѣ ихъ сочиненія Зума, Лангебека и другія, высокоцѣнимыя учеными.

И по другимъ отраслямъ книги были покупаемы графомъ Николаемъ Петровичемъ, по совѣту съ учеными. Такъ напр. 10 томовъ «Diarium der curländischen Landtage» и Пуффендорфа «De rebus gestis Caroli Gustavi», 1697, fol., куплены по предложенію Вихмана, извѣстнаго библіофила. Онъ прислалъ графу Николаю Петровичу каталогъ отобранныхъ книгъ по русской исторіи, также каталогъ библіотеки покойнаго Шлецера, и покупалъ для графа Николая Петровича книги на большія суммы (по бумагамъ всего на 1810 рублей; VII, 3, 6, 9). Аделунгъ, по порученіямъ графа Николая Петровича купилъ сочиненія Тулонжона, Лакретеля и Бюллета «Mémoires sur la langue celtique», 1754, 3 vol; за одинъ послѣдній увражъ заплачено 100 руб. (VI, 7). Изъ Ольденбурга графу Николаю Петровичу прислали хронику Гамельмана; изъ Праги Поссельтъ прислалъ ему слѣды Вендской письменности. Куплена цѣлая, какъ кажется преимущественно богословская библіотека Hallander'a въ Ригѣ, какъ видно по наклейкамъ на многихъ книгахъ.

Въ бумагахъ найдено нѣсколько списковъ книгамъ частныхъ библіотекъ, предназначеннымъ въ продажу; изъ нихъ графъ Николай Петровичъ выбиралъ любопытнѣйшія *).

*) Свѣдѣнія о времени, объемѣ и цѣнѣ покупокъ графа Николая Петровича очень скудны; я здѣсь собралъ всѣ. Полнѣе, чѣмъ въ этихъ свѣдѣніяхъ, выражаются планы и усилія графа въ осуществленіи ихъ — въ наличности Музеума.

II.

ОПИСАНІЕ СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ

РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕУМА.

1. Собраніе Высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ на имя графовъ Румянцовыхъ.

Эти рескрипты, драгоцѣнные для семейства Румянцовыхъ, какъ оффиціальное лестное выраженіе Монаршаго благоволенія, драгоцѣнны и въ составѣ Музеума. Они служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ исторической важности рода Румянцовыхъ. Ограничимся здѣсь перечнемъ этихъ важныхъ документовъ. Мы имѣемъ 12 собственноручныхъ писемъ Петра Великаго и 7 другихъ, за его подписью; 1 собственноручное письмо Императрицы Екатерины I и 6 другихъ за ея подписью; 1 собственноручное письмо Императрицы Анны Іоанновны; 2 рескрипта за подписью Императрицы Елисаветы Петровны и Великаго Князя Петра Ѳеодоровича; 14 рескриптовъ Императрицы Екатерины II за ея подписью и 5 ея собственноручныхъ рескриптовъ; 3 собственноручныхъ письма Императора Павла Петровича и два за его подписью; 2 собственноручныхъ письма Императора Александра Павловича и 25 за его подписью; 1 собственноручное письмо Императрицы Елисаветы Алексѣевны; 1 собственноручное

письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и 21 рескриптъ за ея подписью; 4 подписныхъ рескрипта Императора Николая Павловича; 2 рескрипта Императрицы Александры Ѳеодоровны; 2 рескрипта Великаго Князя Михаила Павловича и 1 рескриптъ Великой Княгини Екатерины Павловны.

Къ этому драгоцѣнному собранію пріобщено еще любопытное собраніе писемъ иностранныхъ Государей на имя генералъ-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова: 12 писемъ Фридриха Великаго, 2 письма Фридриха Вильгельма II, 3 письма Іосифа II, 7 писемъ Станислава Августа.

2. Рукописи славянскія и русскія.

Принадлежатъ къ сокровищамъ Музеума. Археографическая Коммиссія почерпнула изъ нихъ много замѣчательныхъ актовъ для своихъ изданій, а ученое описаніе, составленное имъ Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ («Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума», С.-Петербургъ, 1842, 4°) ознакомило съ ними любителей русской старины.

Ограничимся здѣсь указаніемъ важнѣйшихъ рукописей. Русскія рукописи двухъ разрядовъ: однѣ сохраняются въ подлинникахъ стариннаго письма, другія сняты для графа Николая Петровича съ рукописей, которыхъ нельзя было пріобрѣсть въ собственность. Эти послѣднія предназначены замѣнить малодоступные подлинники и дополнить по главнымъ отраслямъ коллекцію оригинальныхъ рукописей.

Между древними подлинниками, составляющими приблизительно половину всего собранія, многочисленнѣе другихъ богословскіе. Однихъ Евангелій (№ 103 — 146) 43, въ томъ числѣ 13 на пергаменѣ; къ послѣднимъ принадлежитъ и древнѣйшая рукопись Музеума, Евангеліе 1164 г. (№ 103); 3 рукописи Апостола (№ 9—11), XV и XVI вѣка; 5 рукописей Ветхаго Завѣта (№№ 19, 27—29, 31), XV—

XVII вѣковъ; 9 Псалтырей (№ 327—335), XIV — XVI вѣковъ; 4 Октоиха (№ 287—290), XV и XVI вѣка; 3 Обихода (№ 284—286), XIII и XIV вѣка; 7 Прологовъ (№ 319—325), XIII—XVII вѣк.; 3 Паремейника (№ 302—304), XIV и XV вѣковъ; 2 рукописи Патерика (№№ 305 и 307), XV и XVI вѣк.; 7 Миней (№ 273—279), XV и XVI вѣк.; 10 рукописей Житій Святыхъ (№№ 150, 152 по 159 и 174), XV и XVI вѣк.; 9 Служебниковъ (№ 396—404), XVI и XVIII вѣк.; 4 Торжественника (№ 434—437), XV и XVI вѣк.; 6 рукописей съ древними церковными нотами: Ирмологъ (№ 187) и Стихирари (№ 420—424), XIV и XVI вѣковъ; 9 Кормчихъ книгъ (№ 230—239), XIII — XVII вѣковъ; въ числѣ ихъ одна (№ 230) писана на пергаменѣ, почеркомъ XIII-вѣка, стало быть принадлежитъ къ древнѣйшимъ харатейнымъ спискамъ, которыхъ извѣстны еще два: одинъ Императорской Публичной Библіотеки, а другой — Московской Синодальной Библіотеки. Кормчія книги Музеума были разсмотрѣны барономъ Розенкампфомъ и на многихъ его рукою поставлены надписи. По важности Кормчихъ для русскаго церковнаго и гражданскаго права, онѣ составляютъ драгоцѣнность собранія.

Важны по рѣдкости и сочиненія знаменитыхъ богослововъ. Музеумъ имѣетъ сочиненія Григорія Богослова (№№ 85 и 86), XV и XVI в.; Діонисія Ареопагита (№№ 93 и 94), XIV и XVII в.; Іоанна Златоуста (№№ 181, 182, 195—197), XVI в.; Іоанна Дамаскина (№ 191—193), XVI и XVII в.; Іоанна Лѣствичника (№ 198—203): двѣ рукописи писаны на пергаменѣ, одна XII вѣка принадлежитъ къ древнѣйшимъ рукописямъ Музеума, другія съ XIII по XV вѣкъ; Іосифа Волоколамскаго (№№ 204 и 205) и другихъ.

Переходомъ отъ богословскихъ рукописей къ историческимъ могутъ служить Сборники (№№ 356 по 381; первый сборникъ Святослава Ярославича списанъ для графа Николая Петровича почеркомъ подлиника) и Хронографы (№№ 97, 453—461). Они содержатъ много любопытнаго:

отрывки изъ сочиненій отцевъ церкви, преданія старины, акты историческіе, свѣдѣнія географическія и разсказы древней исторіи, разукрашенные вымыслами. Будучи назидательнымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, они служатъ обращикомъ какъ вкуса литературнаго, такъ и объема и характера образованія прошедшихъ вѣковъ.

По части исторіи особенно важны грамоты. Мы имѣемъ нѣсколько подлинныхъ: двѣ Новгородскія грамоты, данныя Любскимъ купцамъ въ XIII и XIV вѣкахъ, на пергаменѣ съ печатями (№ 43), двѣ грамоты Царя Михаила Ѳеодоровича (№ 64), девять грамотъ польско-русскихъ XIV по XVI вѣкъ (№ 68). Къ этому разряду можно отнести и столбцы старыхъ дѣлъ, производившихся въ Верхотурскомъ приказѣ съ 1598 по 1700 годъ (№ 47), и дѣла Московскаго Пушкарскаго приказа (№ 102). Отдѣлъ грамотъ предпочтительно передъ другими пополненъ списками: болѣе 30 тетрадей (№ 44—77), изъ которыхъ нѣкоторыя довольно обширны, наполнено ими.

Лѣтописей у насъ немного: 6-ть стариннаго письма (№№ 42, 250, 253, 255, 257, 258), изъ которыхъ только одна по почерку восходитъ до XV в., и 10 въ спискахъ (№ 244—260). Собрано нѣсколько другихъ историческихъ сочиненій: Ананіи Ѳедорова (№ 5), Грибоѣдова (№ 82—84). Курбскаго (№ 240 и 241), Палицына (№ 299 и 300), Описаніе Сибири въ 1658 и 1683 годахъ (№ 294), Ремезова Атласъ Сибири (№ 346), Космографія по Меркатору, XVII в. (№ 272), и другія. Собраны важные историческіе матеріалы: Писцовыя книги (№ 308—312), Разряды (№ 337—341), Родословныя (№ 347—351), Степенныя книги (№ 413—417), Литовскій Статутъ (№ 412), Судебникъ Царя Іоанна IV (№№ 429 и 430), Уставы церковные (№ 445—450), Стоглавъ (№№ 425 и 426), бумаги, до Лжедимитрія касающіяся (№ 21), выписки изъ разныхъ историческихъ памятниковъ (№№ 32, 34—37, 39 и 101). Собрано и нѣсколько новѣйшихъ трудовъ объ отечественной исторіи: Бѣляева «Зерцало Россійскихъ монастырей» (№ 22 — 24), Малиновскаго

«Біографическія свѣдѣнія объ управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министрахъ» (№ 266); его же «Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи» (№ 267); его же «Обозрѣніе политическихъ сношеній Россіи съ Портою Отоманскою» (№ 268); «Сличеніе греческихъ святцевъ съ россійскими», сдѣланное Синайскимъ архіепископомъ (№ 394); Страхова «Объ азіатской торговлѣ» (№ 428) и другія.

Есть и литературныя сочиненія: Прибыловича (№ 317); Прокоповича трагедія (№ 318).

Еще замѣчательны по старательной отдѣлкѣ рукописи: пропись скорописнаго почерка (№ 326) и «Книга о Сивиллахъ» (№ 227) съ картинами, — вѣроятно, предназначенная для употребленія царя Алексѣя Михайловича.

Изъ русскихъ и славянскихъ рукописей, не описанныхъ въ печатномъ каталогѣ, замѣчательны по богословію: Никона, монаха Черныя горы, Пандекта или Сводъ церковныхъ правилъ (№ 493), Житіе патріарха Никона (494), подлинная грамота Макарія, патріарха Антіохійскаго (№ 492), Апокалипсисъ на Богемскомъ языкѣ (№ 475) и Польское разсужденіе «O godnosci Swiętego Piotra» (№ 480). — По исторіи есть копіи важныхъ документовъ, какъ то: Договоры между Россійскою Имперіею и Англіею 1762—1806 годовъ (№ 482), сношенія съ Датскими королями (№ 511);— и ученыя розысканія: Арцыбышева (№ 476), Берлинскаго (№ 477), Лерберга (489); также описаніе русской Лѣтописи, хранящейся въ Ватиканѣ, подъ именемъ Болгарской (№ 498), переводъ исландской саги о Карлѣ Бѣдномъ (№ 504), разсужденіе о путешествіяхъ древнихъ Скандинавовъ въ Сѣверную Америку (№ 508). — Есть также рукописи, интересовавшія графа Николая Петровича, какъ Министра коммерціи: Проэктъ о торговлѣ съ Японіею (№ 481), Журналъ плаванія изъ Камчатки въ Америку (№ 488), Общіе виды коммерціи Россійской съ Сѣверными державами (№ 506).

3. Рукописи иностранныя.

Между иностранными рукописями Румянцевскаго Музеума болѣе всего рукописей историческихъ, и именно грамотъ.

Музеумъ имѣетъ двѣ подлинныя грамоты, писанныя на пергаменѣ, по-латыни. Одна 1396 года князя Іоанна Освѣцимскаго о назначеніи въ пользу жены своей 5000 марокъ, другая 1427 года короля Владислава князю Димитрію Семеновичу Друцкому на жалованныя села и угодья (I, № 130).

Пріобрѣтеніе подлинныхъ грамотъ могло быть только дѣломъ случая. Графъ Николай Петровичъ хотѣлъ итти путемъ вѣрнымъ, онъ заботился о пріобрѣтеніи снимковъ и списковъ. Ихъ много; талантъ людей, которымъ поручалось снимать ихъ, а часто и скрѣпа архиваріусовъ, служатъ порукою за вѣрность; потому эти списки замѣняютъ собою подлинники, сберегаемые въ иностранныхъ архивахъ и мало кому доступные. Графъ Николай Петровичъ употреблялъ большія суммы, чтобы собрать и важнѣйшія грамоты въ спискахъ, и полныя свѣдѣнія, въ перечняхъ, объ иностранныхъ историческихъ памятникахъ, касающихся Россіи. Таковы перечни: актовъ Мекленбургъ-Шверинскаго архива (I, № 97, на 140 листахъ); актовъ Кенигсбергскаго Тайнаго архива (I, № 134, на 28 листахъ), каталогъ рукописямъ Флорентійской библіотеки (III, № 45), каталогъ манускриптовъ разныхъ библіотекъ (III, № 26) и прочіе.

Графъ Николай Петровичъ собиралъ преимущественно акты, касающіеся сношеній Россіи съ Ганзою, судьбы Ливоніи и дипломатическихъ сношеній Россіи съ среднею Европою съ XVI вѣка.

Къ исторіи Ганзы относится нѣсколько грамотъ, на которыхъ не показано, откуда онѣ заимствованы. Такъ грамоты Владислава, князя Куявскаго, 1296 г.; Гедимина,

великаго князя Литовскаго, 1323 года, и города Риги, 1231 года, о преимуществахъ любскихъ купцевъ (всѣ 3 въ I, № 131); Привиллегіи Прусскаго ордена 1242 г. и папскаго легата 1256 года Нѣмецкимъ купцамъ (I, № 5).

Другія грамоты можно разсмотрѣть по архивамъ, изъ которыхъ онѣ извлечены. Изъ Любскаго архива мы имѣемъ до 11 грамотъ (I, №№ 21, 84, 86, 87, 132), въ томъ числѣ аккуратный снимокъ на вощеной бумагѣ извѣстнаго латинскаго договора Новгорода съ Ганзою, который такъ много занималъ Лерберга, Карамзина и Круга.

Изъ Гамбурга—6 грамотъ заботами г. Струве (I, №№ 8. 85, 169; II, 19) и двѣ грамоты заботами барона Юлія Врангеля (II, №№ 4 и 5).

Изъ Бергена — Миръ Новгорода съ Норвегіею, 1326 г. (I, № 13); изъ Кёльна 4 грамоты касательно русской торговли XV-го вѣка (I, № 89); изъ Риги 3 грамоты (I, № 9, 11 и 14), касающіяся торговли ея съ Полоцкомъ.

Эти любопытные документы со многими другими, неизвѣстными графу Николаю Петровичу, вошли въ составъ 2-хъ печатныхъ изданій: Sartorius, Urkündliche Geschichte des Ursprungs des Hanseatischen Bundes, herausgegeben von Xappenberg, Hamburg, 1830, in 4°, второй томъ, и Codex diplomaticus Lubecensis, 1843.

Къ исторіи Остзейскаго края, относятся болѣе многочисленныя выписки. Наиболѣе матеріала для періода орденскаго должно было предполагать въ Кенигсбергскомъ архивѣ. Коцебу переписывался съ графомъ Николаемъ Петровичемъ о важности Кенигсбергскаго и вообще сѣверныхъ архивовъ для русской исторіи, нашелъ писца и руководилъ его при выпискахъ, сдѣланныхъ въ Кенигсбергскомъ архивѣ. Ихъ очень много (I, №№ 7, 36, 34, 35 и 133). Особенно замѣчательны письма царя Василія III къ Альбрехту Прусскому и къ Плеттенбергу; они всѣ писаны по-русски, къ нѣкоторымъ приложенъ латинскій или нѣмецкій современный переводъ (№ 34).

Выписки, сдѣланныя для графа Николая Петровича въ Мекленбургъ-Шверинскомъ архивѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, наполняютъ 20 томовъ (I, №№ 1, 4, 36, 37, въ 4-хъ частяхъ, 39, 97—105, 112, въ 3 частяхъ). Онѣ начинаются посланіемъ Гонорія III къ Вольдемару II о подчиненности Ливоніи папѣ; слѣдуютъ акты, касающіеся Ливонскаго ордена и Ганзейской торговли. Но существеннѣйшую часть здѣсь собранныхъ матеріаловъ составляютъ дипломатическія сношенія съ 1495 по 1625 г.; особенно замѣчательна переписка кабинетовъ по поводу Ливонской войны Іоанна IV. Наконецъ, тутъ есть извѣстія о русскихъ посольствахъ, проходившихъ чрезъ Мекленбургскія владѣнія въ 1600, 1614, 1681 и 1687 годахъ (№ 39).

Объ исторіи Остзейскаго края XVI, XVII и прошедшаго столѣтій, графъ Николай Петровичъ собралъ много актовъ въ Ригѣ и Митавѣ.

Изъ Риги получены старинные акты, большею частью въ старинныхъ спискахъ, которые содержатъ постановленія королевскія и магистратскія, городскія распоряженія и проч. (I, №№ 12, 69, 73, 75, 76, 78), есть также нѣсколько Лифляндскихъ хроникъ, частью въ выпискахъ, частью съ варіантами противъ изданныхъ (I, №№ 25, 63, 64, 66—68, 107).

Изъ Митавы получены акты разнаго содержанія, преимущественно протоколы тамошнихъ сеймовъ (I, №№ 38, 74, 77, 80, 106, 108, 139).

По русской исторіи вообще Музеумъ имѣетъ нѣсколько рукописей, относящихся къ разнымъ періодамъ:

Изъ Копенгагена получены двѣ сѣверныя саги (I, № 49 и 50) и дипломатическія извѣстія 1553 и 1699 годовъ (№ 19 и 22).

Весьма важна коллекція иностранныхъ извѣстій о Россіи, собранныхъ Штрандманомъ въ Ватиканѣ и въ частныхъ римскихъ архивахъ, состоящихъ изъ 17 тетрадей (I, №№ 92, 96, 111, 113—120, 122—127). Большая часть этихъ извѣстій относятся ко второй половинѣ XVI

вѣка, два — къ смутному времени, которому они современны (№№ 125 и 127).

Въ Парижѣ снята копія путевыхъ записокъ папскихъ миссіонеровъ XIV-го вѣка (I, № 40).

Изъ Вольфенбютля баронъ Юлій Врангель прислалъ описаніе тамъ найденной рукописи Степенной книги и большія выписки изъ нея (I, №№ 42 и 43).

Въ Англійскихъ архивахъ собраны извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ Англіи съ Россіею, политическія сношенія 1575—1600 (№ 23) и замѣчанія Англійскихъ путешественниковъ (I, №№ 52, 54, 135).

Изъ Стокгольма пріобрѣтена рукопись о торговыхъ сношеніяхъ Швеціи съ Россіею въ XVI и XVII вѣкахъ (II, № 44).

Сверхъ того въ отдѣленіи русской исторіи есть нѣсколько изслѣдованій ученыхъ: Оленина «О рукописи, найденной въ землѣ Донскаго войска» (I, № 44), Гуммеля «О Біарміи» (Перми, № 47), Шлецера «Объ исторіи сѣвера» (№ 51), Штрандмана «О курганахъ» (№ 48), «О торговлѣ Таны» (№ 95), «О сношеніяхъ папъ съ русскими государями» (№ 140), Гаммера «Объ извѣстіяхъ арабскихъ историковъ о Россіи» (№ 45).

Много собрано любопытныхъ рукописей по исторіи вообще.

Переговоры Вестфальскаго мира рукописные, поясненные современными брошюрами, наполняютъ 4 тома in 4° (II, № 26).

Флорентинская хроника (II, № 53), очень подробная, съ XIV вѣка доходитъ до 1589 г. Она написана по-итальянски, довольно старинымъ почеркомъ и наполняетъ 647 листовъ.

Другая итальянская рукопись (II, № 37), почеркъ которой близко подходитъ къ готическому, содержитъ краткое описаніе острововъ Архипелага. Въ одномъ мѣстѣ названъ 1482 годъ; вѣроятно, рукопись принадлежитъ концу XV-го вѣка.

Лѣтопись Гамбурга (II, № 18), на старинномъ нѣмецкомъ

языкѣ, начинается прозою, продолжается стихами; подлинникъ на пергаменѣ хранится въ библіотекѣ Гамбургскаго магистрата и считается древнѣйшею хроникою этого города. Въ 1667 году Рудольфъ Капеллъ (Capellus) изготовилъ ее къ изданію, но магистратъ не допустилъ печатанія. Снимокъ для графа Николая Петровича содержитъ и объяснительныя замѣчанія Капелла.

Другая Гамбургская хроника, сочиненная въ 1557 году Драйтцейгеромъ, хранится въ Музеумѣ въ подлинникѣ (II, № 20).

Музеумъ имѣетъ три рукописи о Фрисландіи: хронику на нижне-Саксонскомъ нарѣчіи, другую хронику старинными нѣмецкими стихами и латинское разсужденіе (II, № 28—30).

8-мь рукописей о Швеціи (II, №№ 13—17, 44—46) большею частью относятся къ статистикѣ ея въ прошедшемъ столѣтіи.

9-ть рукописей касательно Даніи (II, №№ 2, 3, 16—21) историческаго и юридическаго содержанія. Въ числѣ ихъ замѣчательнѣйшая: Quaedam expositiones et legum et jurium concordantiae.... per Canutum, episcopum Vibergensem. Она написана 1463 года, а Канутъ умеръ 1480. Очень вѣроятно, что она его руки, и тогда она драгоцѣнный автографъ; по крайней мѣрѣ она древнѣйшая изъ сличенныхъ Анхеромъ въ Копенгагенѣ. Замѣчательны также Датскія Древности (№ 6) и неизданное еще сочиненіе ученаго Кофодъ Анхера (№ 8).

5-ть рукописей объ исторіи и церковномъ устройствѣ Пруссіи (II, №№ 22, 54, 66, 68; III, № 29). Одна (II, № 68) посвящена Фридриху Вильгельму, маркграфу Бранденбургскому. Она заключаетъ въ себѣ 28 гербовъ его владѣній, которые совокуплены въ два общихъ герба. Всѣ 30 изображеній рисованы на пергаменѣ съ большимъ искусствомъ и раскрашены яркими цвѣтами.

Кромѣ историческихъ рукописей Музеумъ имѣетъ еще нѣсколько другихъ, между которыми заслуживаютъ вниманія:

Латинская библія (III, № 64) на пергаменѣ, 544 листа, бенедиктинскаго весьма четкаго почерка; иниціалы писаны красными и голубыми чернилами. Въ концѣ алфавитнаго списка еврейскихъ словъ, какой прилагался и къ первымъ печатнымъ библіямъ, приписано другою рукою: Anno MCCCXLVII fuerunt infinite peltilencie etc... стало быть библія относится къ первой половинѣ XIV вѣка.

Три латинскихъ молитвенника на пергаменѣ, очень сходные по расположенію (III, № 1, 65 и 67). Самый роскошный изъ нихъ имѣетъ вокругъ всякой страницы широкій ободъ изъ вѣтвей, цвѣтовъ и плодовъ, раскрашенныхъ и выложенныхъ золотомъ. Въ приличныхъ мѣстахъ вставлено 16-ть хорошо исполненныхъ картинъ. Весь переплетъ темной кожи, выпечатанъ золотыми лиліями; въ серединѣ передней и задней доски выставленъ вензель E. G. Не принадлежалъ ли этотъ молитвенникъ французской королевской фамиліи?

Исторія первой пунической войны на французскомъ языкѣ, писанная въ первой половинѣ XV вѣка, на пергаменѣ: Cy commence la translation en francois du traitté de la premiere guerre punique, qui composa en latin ung noble orateur d'Italie nommé Leonard de Arecio environ l'an mil CCCC.—Переводъ посвященъ Карлу VII. Почеркъ мелкій, но четкій; только мѣстами употреблены бордюры и позолоченные иниціалы. За то очень много картинъ, довольно оригинальныхъ по композиціи. Эта рукопись въ 1745 принадлежала виконту де Валье (III, № 37).

Латинскій текстъ сочиненій Саллюстія въ 2 экземплярахъ. Одинъ in 4° на 80 листахъ; почеркъ прямой, весьма красивый и ровный; въ немногихъ мѣстахъ расписные иниціалы. Войны республики противъ Катилины и Югурты здѣсь въ цѣлости, но нѣтъ никакой приписки, по которой можно бы было опредѣлить время составленія рукописи; въ ней еще много сокращеній (II, 51). Другой экземпляръ — in 8° на 92 листахъ; почеркъ мелкій, походящій на новѣйшую скоропись; на концѣ краткая жизнь Саллю-

стія. Эта рукопись была въ употребленіи, какъ видно изъ поправокъ, встрѣчающихся на поляхъ (II, 50). Оба экземпляра на пергаменѣ.

Сатиры Ювенала и Персія по-латыни, писанныя также на пергаменѣ in 8°, на 104 листахъ; почеркъ очень сходенъ со второю рукописью Саллюстія (II, 52).

Мы имѣемъ еще автографъ графа Цинцендорфа, основателя секты Гернгутеровъ (III, 68).

Рукописи на восточныхъ языкахъ хотя имѣются въ Музеумѣ въ небольшомъ числѣ, но между ними есть нѣсколько замѣчательныхъ; онѣ описаны въ Bulletin scientifique, tom I, № 20 первой серіи. Ограничимся здѣсь перечнемъ: 3 персидскихъ, 6 арабскихъ, 12 турецкихъ, 1 грузинская, 2 армянскихъ, 1 тибетская, 1 бирманская, 1 калмыцкая и 7 китайскихъ.

4. Первопечатныя иностранныя изданія.

Въ составъ этого собранія вошли иностранныя книги, изданныя до 1525 года включительно. По рѣдкости можно еще подраздѣлить ихъ: изданія XV вѣка, всѣ безъ изъятія, принадлежатъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ,— ихъ мы имѣемъ 92; изданія первыхъ десятилѣтій XVI вѣка, встрѣчаются чаще въ большихъ библіотекахъ, но и имъ любители не знаютъ цѣны; ихъ у насъ 101.

Нѣкоторыя изъ нашихъ изданій восходятъ къ самой колыбели книгопечатанія: Leonardi de Ultino, Sermones aurei (№ 1) изданы въ 1446, шесть лѣтъ послѣ Гуттенбергова изобрѣтенія; Augustini de civitate Dei, 1468 (№ 2), по ученымъ изслѣдованіямъ Матера (Annales typographici, Hagae, 1721, стр. 61) должно считать 8-ою или 9-ою книгою, изданною съ существованія печати.

Мы имѣемъ изданія многихъ знаменитыхъ типографовъ: три изданія (№№ 4, 8 и 41) Петра Шеффера, который вмѣстѣ съ Гуттенбергомъ и Фаустомъ устроилъ первые типографскіе станки: Hieronymi liber epistolaris, 1470; Beati Bernardi, abbatis Clarevalensis, Sermones, 1475, и Chronecken

der Sassen, 1492; послѣдняя книга переполнена любопытными гравюрами на деревѣ. Изданіе Ульриха Геринга, (№ 12), открывшаго въ Парижѣ типографію въ 1464 году (смотри Maittaire, I, pag. 60), и его помощника и преемника Бертольда Ренбольта (№ 110; см. Maittaire, I, p. 223). Изданія Антонія Кобургера, печатавшаго въ Нюрнбергѣ съ 1472 г. (именно №№ 16, 18, 19, 25, 44, 51, 63), между ними: Legenda sanctorum sive Lombardica historia, 1482 Decretum Gratiani, 1483, и Bibel (на нѣмецк. яз.) того же года (№ 18). Имѣемъ библіи древнѣйшія: Bibel, gedrukt und vollendet zu Augspurg von Iohann Bemler, anno 1476 (№ 9); Biblia, in civitate Coloniensi per Conradum de Homborch, 1479 (№ 14). Того же года Biblia, Venetiis, opera atque impensa Nicolai Jenson Gallici (№ 13),—знаменитаго Жансона, который усовершенствовалъ шрифтъ и въ послѣдствіи далъ ему форму прямо-линейную (латинскую), отличную отъ готической (Maitt. I, 36). Имѣемъ Gerson, Della imitatione, 1491 (№ 37), Флорентійскаго типографщика Антонія Мискомини, печатавшаго съ 1488 года (Matt. I, 148); римское изданіе, на которомъ типографщикъ не назвалъ себя, выставивъ впрочемъ годъ: Eusebii historia ecclesiastica, 1476; наконецъ и Венеціанское изданіе Альда Романа: Stephanus de urbibus, 1502 (№ 96), одно изъ первыхъ греческимъ шрифтомъ (Maittaire I, 229). Въ исходѣ XV и началѣ XVI столѣтія укажемъ еще на изданія Девентерскихъ типографовъ Ричарда Пафрета и Якова Бреды [№№ 56, 57, 94, 101), въ которыхъ шрифтъ прекрасенъ, и на Базельскія изданія Ивана Фробейна (№№ 121, 124 и 176), походящія по совершенству на изданія новѣйшія.

Замѣчательны въ типографскомъ отношеніи: a) По многимъ рисункамъ: Библія на нѣмецкомъ языкѣ безъ мѣста и года (№ 76), Buch der Chroniken durch Anthonien Koburger zu Nürnberg getrukt, 1493 (№ 44); Albrecht Dürer, Underweysung der messung mit dem zirkel und richtscheyt (съ геометрическими рисунками), и его же Vier bücher von menschlicher Proportion (съ очерками, № 167). b) По мно-

гимъ картамъ: Ptolemaei Cosmographia, Ulmae, opera et expensis Justi de Albano de Venetiis per provisorem suum Johannem Reger, anno 1486; 26 картъ, на первой надпись: «Insculptum est per Johannem Schnitzer de Armsheim (№ 28); другое изданіе Птоломея, Argentinae, Joh. Schotti, 1513 (№ 113): на картахъ намѣчены открытія Колумба и другихъ мореходцевъ. c) По ботаническимъ рисункамъ два изданія: Herbarium, Strassburg, 1507 (№ 102) и 1517 г. (№ 122); рисунки растеній раскрашены: по тогдашней нераздѣльности наукъ, эти гербаріи собственно содержатъ ботаническую materiam medicam. d) По роскоши, два изданія на пергаменѣ: Der Psalter teutsch, getruckt in Nürnberg durch Joh. Petrejum anno 1525 (№ 177) fol., и Heures à lusaige de Rome, à Paris, около 1502 года (№ 185), 8°. Этотъ молитвенникъ украшенъ 17 картинами во всю страницу и разнообразными, искусно гравированными рамками вокругъ каждой страницы, изображающими между прочимъ знаменитую пляску смерти.

Замѣчательны по своему содержанію:

a) Схоластическія и мистическія сочиненія, современныя изданію: Aegidii de esse et essentia (№ 43], и еще другія: Tres tractatus (№ 77); Ludovici de Prussia Trilogium animae (№ 63); Jacobi Magni Sophilogium (№ 88).

b) Сочиненія юридическія и политическія: Traité de droit, около 1480 (№ 75); Expositiones legum Jutiae 1508 (№ 105); Patrice, Livre de la chose publique, Paris, 1520 (№ 129).

c) Диссертаціи по разнымъ предметамъ, въ числѣ ихъ двѣ медицинскія (№№ 60 и 79) и астрономическая (№ 66).

d) Писатели древности: Ciceronis Epistolae ad familiares, Venetiis, 1469 (№ 3); Ciceronis orationes, 1494 (№ 48); Persii poëtae satyrarum opus, Venetiis, 1494 (№ 50); Boëtius de consolatione philosophiae cum commentario angelici doctoris Thomae de Aquino, 1495 (№ 51); Annaei Flori, illustris historiographi, Epitomata, Lipsiae, до 1500 (№ 85); Valerii Maximi factorum ac dictorum memorabilium libri novem, Liptzk (sic), 1506 (№ 100); Curtii de rebus gestis

Alexandri regis fragmenta, Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae Soceri, 1520 (№ 127); Crispi Sallustii et Tullii Ciceronis quaedam, Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae Soceri, 1521 (№ 135).

e) По литературѣ среднихъ вѣковъ: Boccacii de mulieribus claris, Ulmae, 1473 (№ 6); Aeneae Sylvii (Пія II) familiares epistolae, Norembergae, impensis Ant. Koburger, 1486, (№ 25); его же De ritu, situ, moribus et condicione Theutoniae descriptio, Lyptzick, 1496, (№ 52); его же Opuscula de duobus amantibus et de remedio amoris; Lipitzk, около 1500 (№ 78); Petrarchae opuscula, Basileae, per Joannem de Amerbach, 1496 (№ 54); Poggii facetiae, Basileae, 1488 (№ 30); Questi sono li fioreti de san Francesco, novamente stampati in Venesia, 1512, (№ 112); Les faictz de maistre Alain Chartier, въ стихахъ, à Paris, безъ года (№ 187).

f) Хроники, кромѣ описанныхъ: Fasciculus temporum, omnes antiquorum cronicas complectens, Coloniae, per Conradum Haemborch, 1476 (№ 11); Fratris Jacobi Bergomensis opus praeclarum, Supplementum chronicarum, Venetiis, 1492 (№ 39); Römische historie, Mentz, durch Johann Schöffers, 1514 (№ 118); Saxonis grammatici, Danorum regum heroumque historiae, nunc primum impressae; impressit in inclyta Parrhisiorum academia Jodocus Badius Ascensius, 1514 (№ 119) и любопытная: Descriptio Sarmatiarum, Asianae et Europianae, et corum, quae in eis continentur, anno 1521, Cracoviae, apud Joannem Haller. (№ 133).

g) Рѣшительно преобладаетъ литература богословская; кромѣ упомянутыхъ уже изданій священнаго писанія мы имѣемъ еще: Unum ex quatuor, seu concordia evangelistarum, 1473 (№ 7); Biblia, 1486 (№ 26); Der andere Teyl der Bibel, 1490 (№ 34); Evangelia, Lubeck, 1492 (№ 42); Biblia cum pleno apparatu, 1506 (№ 99); Evangeliorum et epistolarum textus, Daventriae, 1507 (№ 101). Имѣемъ также многія сочинанія отцевъ церкви: Іоанна Златоуста, Евсевія, Лактанція, особенно Августина; замѣчательны также

сочиненія Ѳомы Аквинскаго и Жерсона; много описаній житій святыхъ, много проповѣдей. Алфавитный указатель, при полномъ каталогѣ первопечатныхъ иностранныхъ изданій, облегчаетъ пріисканіе ихъ.

Пополненіе библіотеки было постоянною заботою канцлера. При его щедрости, при содѣйствіи многихъ знатоковъ и любителей, которыми онъ умѣлъ себя окружить, его собраніе умножалось, такъ что цѣлый этажъ его дома былъ занятъ подъ библіотеку. Къ ней онъ присоединилъ другія собранія: монеты восточныя и древнія; древности, найденныя въ русскихъ курганахъ въ Гомелѣ, или же присланныя изъ Керчи; минералы, пріобрѣтенные за границею и въ Петербургѣ. Такъ канцлеръ купилъ цѣлую коллекцію купца Ситникова, пользовавшуюся извѣстностью по красотѣ своихъ экземпляровъ; она составила половину минералогическаго кабинета, хранимаго въ Музеумѣ.

И библіотека и собранія эти при жизни канцлера были многимъ доступны. Онъ хотѣлъ ихъ обратить въ пользованіе всѣхъ любителей просвѣщенія, составить изъ нихъ Музеумъ, открытый для публики. Смерть помѣшала канцлеру выполнить самому свое намѣреніе, даже приступить къ его осуществленію; но онъ изустно завѣщалъ брату своему, графу Сергѣю Петровичу, устроить Музеумъ.

Графъ Сергѣй Петровичъ, славившійся своими обширными познаніями и рѣдкою начитанностью, сочувствовалъ вполнѣ плану канцлера. Послѣднюю волю брата онъ исполнилъ свято, и предначертанія его осуществилъ достойно имени Румянцовыхъ. Намѣреваясь дать Музеуму устройство, которое и теперь въ немъ находимъ, графъ Сергѣй Петровичъ не хотѣлъ удержать его въ частной собственности. Онъ былъ убѣжденъ, что подобныя учрежденія только подъ покровомъ и управленіемъ Правительства бываютъ прочны и общеполезны. Поэтому, сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, чтобы приспособить домъ канцлера къ новому его назначенію, Сергѣй Петровичъ въ ноябрѣ

1827 г. поднесъ Государю Императору всеподданнѣйшую просьбу о принятіи Музеума въ распоряженіе казны, выражая желаніе, дабы Музеумъ принесъ пользу благородному юношеству, воспитывающемуся въ государственныхъ заведеніяхъ. Государь Императоръ изъявилъ графу Сергѣю Петровичу свое благоволеніе и признательность рескриптомъ 3-го января 1828 г., и тутъ же повелѣть соизволилъ именовать сей Музеумъ Румянцовскимъ. На Министра Народнаго Просвѣщенія, А. С. Шишкова, и на генералъ-адъютанта Н. И. Демидова было возложено имѣть совѣщанія съ графомъ С. П. Румянцовымъ, дабы опредѣлить назначеніе и устройство Музеума по желанію учредителя. Въ этомъ совѣщаніи графъ обѣщалъ предоставить въ собственность Музеума дома, могущіе доставить ему нѣкоторый доходъ, фамильные портреты и другія произведенія искусства для его украшенія. Предоставляя Министру Народнаго Просвѣщенія составить проектъ Положенія и Штата Музеума, онъ только изъявилъ желанія: чтобы Музеумъ былъ открытъ для публики, хотя одинъ разъ въ недѣлю; чтобы всѣ ученыя и высшія учебныя заведенія могли пользоваться предметами Музеума; и обратилъ вниманіе Министерства на А. Х. Востокова, какъ на основательнаго знатока библіографіи и палеографіи, которому и канцлеръ, и самъ Сергѣй Петровичъ поручили разобрать словенскія рукописи Музеума. Министерство первыя два желанія графа внесло въ Уставъ Музеума, а А. Х. Востокову оно поручило Музеумъ до окончательнаго его устройства, возложило на него представить проектъ Положенія и Штата, а, по утвержденіи Устава, опредѣлило его старшимъ библіотекаремъ. По значенію этой должности, онъ продолжалъ завѣдывать Музеумомъ.

Въ іюнѣ 1828 г. графъ увѣдомилъ Министра Народнаго Просвѣщенія, что перестройки въ Музеумѣ окончены. Посвящая домъ канцлера на общественное учрежденіе, Сергѣй Петровичъ украсилъ его фасадъ колоннадою, а залы лѣпною работою; назначивъ для Музеума средній этажъ,

устроилъ въ немъ большую залу въ два этажа, а позже, когда она была занята минералогическимъ кабинетомъ, принялъ на свой счетъ издержки по заказу шкаповъ и столовъ съ позолотою, для помѣщенія минераловъ *); для боковыхъ же комнатъ, обращенныхъ на дворъ и отведенныхъ подъ библіотеку, заказалъ высокіе шкапы ясеневаго дерева со стеклами. Залы на набережную Невы онъ предназначилъ для воспоминаній семейныхъ. Въ крайней залѣ, налѣво, онъ помѣстилъ портреты своего дѣда и брата, а между ними статую своего отца, Задунайскаго, почившаго послѣ трудовъ воинскихъ; надъ нею девизъ Румянцовыхъ: Non solum armis, краснорѣчиво истолкованный и статуею Мира, видною съ этого мѣста, и существованіемъ Музеума. Другая стѣна украшена портретами бабки и матери основателя; третья — рисунками изъ жизни Задунайскаго. Въ средней залѣ онъ поставилъ прекрасное мраморное изваяніе Кановы, — богиню Мира, въ память трехъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ Румянцовыми; бронзовый бюстъ брата и мраморный — отца, и помѣстилъ картину Торелли: «Торжество Императрицы Екатерины», подаренную, по ходатайству Сергѣя Петровича, изъ Императорскаго Эрмитажа. Въ крайней залѣ направо поставленъ уже впослѣдствіи ящикъ съ Высочайшими рескриптами на имя графовъ Румянцовыхъ, — памятникъ постояннаго Монаршаго благоволенія къ тремъ поколѣніямъ государственныхъ мужей. Въ Музеумѣ сохраняется нѣсколько свидѣтельствъ о почестяхъ, оказанныхъ Задунайскому и иностранными вѣнценосцами. Кромѣ писемъ Фридриха Великаго, Іосифа II и Станислава Августа, мы имѣемъ картину, на которой изображенъ маневръ, устроенный

*) Не имѣемъ свѣдѣній, сколько графъ Сергѣй Петровичъ употребилъ на перестройку дома и устройство Музеума; по сдачѣ онаго въ казну Сергѣй Петровичъ, сверхъ отдѣльныхъ предметовъ искусствъ и пр., пожертвовалъ наличными деньгами: 4000 р. асс. на устройство шкаповъ и столовъ для минералогическаго кабинета, и 30,000 р. асс. на починки по малому дому на Галерную улицу.

Фридрихомъ II въ присутствіи фельдмаршала Румянцова и повторившій, ему въ честь, движенія Кагульской битвы. Картина эта оставалась въ кабинетѣ Сергѣя Петровича по смерть его, а потомъ, по его отказу, перенесена въ Музеумъ.

Въ іюнѣ 1828 г. Музеумъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе казны. Съ того времени начался пріемъ библіотеки и коллекцій; но пріемъ потребовалъ много времени, потому что библіотеку надлежало перенести изъ верхняго этажа въ средній и разстановить въ новыхъ шкапахъ по новому порядку, а минералогическое собраніе разобрать и расположить систематически.

По окончаніи пріема Музеума Министръ Народнаго Просвѣщенія, князь Ливенъ, внесъ черезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее усмотрѣніе Штатъ и Положеніе Румянцовскаго Музеума, которые удостоились Высочайшаго утвержденія 1831 г. мая въ 28 день.

3 2044 012 779 971

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL STUDY
CHARGE